

Транскультурная ситуация современного мира: неизбежность толерантности

*Х. С. Гафаров, доктор философских наук,
доцент, профессор кафедры дизайна
гуманитарного факультета
Белорусского государственного университета*

В транскультурной ситуации современного мира – ситуации одновременности диверсификации и становления культурного единства, «пронизывающего» пласты ценностных различий, «проникающего» сквозь толщу партикулярных дискурсов и текстов – возникают новые вызовы локальным культурам. Даже в таких культурах, как культуры Беларуси и Казахстана, в которых традиционно существует устойчивая система взаимной терпимости, происходят радикальные изменения, приводящие на поле «традиционного мультикультурализма» новых игроков. Это требует выработки рефлексивной модели толерантности, что ставит новые задачи перед философским и гуманитарным дискурсом.

Основная задача философии и гуманитарных исследований (*humaniora*) – обеспечение человеку ориентации в мире и оказание ему «жизненной помощи». В транскультурной ситуации современного мира для философии важным становится определение «духа времени» (*Zeitgeist*).

В современной культурной ситуации мы сталкиваемся не только с тем, что размываются границы локального, но и с тем, что в эпоху интернационализации экономики культура приобретает экономическое измерение и возникает глобальная креативная экономика и глобальный креативный класс, что эпоха глобализации политического и социального измерений отмечена закатом идеологии и изменением значимости культуры как области смылосимволического

коммуникативного пространства, когда выступает на поверхность и становится очевидной конструируемость культурных конвенций и форм.

Современное постсоветское философствование, во многом являющееся слабой версией марксистско-ленинской философии, не справляется с функцией осмысления происходящих на наших глазах трансформаций. Фактически отказавшись от одного из основополагающих принципов классического марксизма – принципа историзма, эта версия философствования утратила возможность «схватывания» новаций и динамических изменений последнего двадцатилетия. Более того, технические термины постсоветского «марксизма», бывшие частью философского языка XIX в., устарели, что приводит к подмене понятий; его методология примитивна, поскольку основана на «наивном эмпиризме» и «наивной диалектике»; его тексты создаются в дискурсе самооправдания и не подкреплены социологически результатами ни качественных, ни количественных исследований. Следовательно, постсоветская квази-марксистская философия не дает экспертного знания и дискредитирует как философское, так и гуманитарное знание в политической и социальной сферах.

На наш взгляд, постсоветскому философствованию необходимо обратиться к аналитическим практикам других исследовательских направлений. В анализе транскультурной ситуации плодотворными являются трансдисциплинарные исследования различного рода – социология знания Питера Бергера и Томаса Лукмана, социальная теория Пьера Бурдьё и Юргена Хабермаса, интерпретативная (герменевтическая) антропология Клиффорда Гирца, трансверсальная философия культуры Вольфганга Вельша, социология сетевого общества

Мануэля Кастельса, экономическая социология Ричарда Флориды и Ричарда Барбрука.

В рамках данных теорий происходит адекватное схватывание нестабильности культуры и ее все возрастающей флексибельности и диверсифицированности; анализ менеджмента культуры; своевременная констатация обесценивания иерархии и проблематизация идентичности.

Все это приводит к тому, что в процессе ее познания культура предстает *парадоксальной*. Она описывается одновременно как процесс и результат, единство и различие, индивидуальное и социальное, культивация способностей и культурное наследие, работа над собой и музейные ценности, «парк развлечений» и отрасль бизнеса.

Следовательно, в новых условиях стандартное статичное определение культуры перестает работать. По причине отсутствия соответствующего референта и невозможности приписывания нормативного смысла, культура не может быть описана как высокая культура. Вследствие культурной гибридизации, она не может анализироваться как культура национальная. Вследствие модернизации, она не отсылает к традиции. Из-за утраты фонового согласия, она больше не является совокупностью институций, способствующих стабилизации.

Актуальная культура, понимаемая как «транскультура», может рассматриваться не как *иерархизированная структура*, а как *сеть*, она направлена не на *воспроизведение* уже существовавшего, а на *креативность* как создание нового, она движется не назад, а вперед.

Диверсифицированная культура-сеть по определению отличается плюрализмом мировоззрений [6]. Если рассматривать культуру как носитель смыслов, посредством которых люди интерпретируют свой жизненный опыт и направляют свои действия [3, с. 168–198], то социальная структура – это форма, которую принимают эти действия,

реально существующая сеть социальных отношений. Парадоксальность культуры коррелирует с парадоксальностью общества.

Современное общество является одновременно *пост-религиозным* и *постсекулярным*. Возрастание секулярности и – в ряде культур и регионов – рост научного сознания сопровождаются ростом критического отношения к научной рациональности. В силу развития философии науки все более широкий размах приобретает ее критика. Наука в своем историческом развитии предстает историческим феноменом, и становятся очевидными ее риторический и метафизический аспекты [5, с. 59–83]. Последние основания науки не более доказательны, чем основания мифологии и религии, и являются предметом веры и личного выбора. Осознание этого факта – один из факторов фундаментализации различных конфессий.

Все это вновь порождает проблему *толерантности* как терпимого отношения к тем, чьи взгляды или убеждения отличаются от мнения большинства [7], что на практике должно вести к запрету этнической и религиозной дискриминации. Нарушается достигнутый в прошлом столетии (хотя бы в идеале) консенсус светского государства и свободы вероисповедания. Вновь встает проблема *политической* и *социальной толерантности*. Происходит перераспределение функций в отношениях общества и государства. Светское государство вынуждено выполнять роль уже не арбитра в урегулировании отношений религиозных общин, которые в большинстве регионов нашли компромисс в социальном функционировании, но буфера между религиозными общинами и светской культурой. Это вызвано спецификой догматики, *ретроспективностью* картины мира и *рекурсивностью* практик религиозных общин. В неравновесных обществах, в ситуации отсутствия фонового

консенсуса и рассогласования двух измерений – социального и культурного – апелляция к религии, традиции, ритуалу как к стабилизирующим факторам приводит не к консолидации, а к дезорганизации.

Это явление было подробно описано К. Гирцем в статье 1973 г. «Ритуал и социальные изменения: яванский пример» [3, с. 168–198]. Опираясь на материалы собственных полевых исследований, Гирц отметил, что в модернизирующемся яванском обществе ритуальные практики, успешно консолидировавшие в свое время культурно-гомогенную деревенскую общину, больше не затушевывают различий. Они не только не решают проблем укрепления чувства общности, но, напротив, порождают новые конфликты в сообществе, объединенном лишь территориально. Урбанизация приводит не столько к разрушению традиционного образа жизни, сколько к созданию нового порядка, суть которого – в тщательном сохранении равновесия противоборствующих сил, возникающих в различных контекстах. В этой ситуации традиционные символы не объединяют людей, а напоминают им об их различиях.

Подмена городского атомизированного общества общиной, объединенной эмоциональной связью, не дает в современном мире позитивного результата. Религии, ритуалы, традиции могут не просто стать отражением напряжения в обществе, но сами превратиться в центр и источник напряжения.

Каким же образом может быть реализована *толерантность* в ситуации изначальной множественности и отсутствия фонового консенсуса? Ю. Хабермас в работе «Вовлечение Другого» (1999) [6] говорит о необходимом для современного социума движении от эмоционального единства к моральной общности, которая конституируется двумя основными идеями – идеей упразднения

дискриминации и страдания и идеей вовлечения принципиально отличных друг от друга субъектов в отношения взаимного уважения. По Хабермасу, в первую очередь это требует признания инаковости, чуждости и желания оставаться чужими как *нормы*. Сложные и динамичные общества не могут сохранять свою целостность за счет одних только чувств, которые ориентированы на ближнюю сферу. Нравственное поведение по отношению к чужому требует того, что Хабермас называет «искусственными» добродетелями, прежде всего – настроенности на справедливость.

На наш взгляд, настроенность на справедливость важна в современном мире не только по отношению к Другому и чужому, но и по отношению к определенным «своим». Значимая характеристика современной культурной ситуации, заключается в «проспективности», в том, что «транскультура» направлена не на воспроизведение, а на креативность как создание нового, не назад, а вперед. Одновременно с этим в современной демографической ситуации актуализируется *генеративный аспект* культуры. Детей становится все меньше и они ценятся все больше*. Их ценность возрастает не только в эмоциональном и социальном, но и в экономическом смысле – «вращивание» ребенка становится значимой инвестицией. Прогрессирующая индивидуализация стилей жизни ведет к тому, что ребенок начинает рассматриваться как потенциальный субъект, за ним признается право на развитие, на защиту, право на личный выбор и личное пространство. Таким образом, направленная в будущее современная культура начинает ориентироваться не на фигуру «мудрого старца», а на образ младенца, ребенка,

* Этот феномен наиболее нагляден в культурах синического круга, где на уровне рефлексии и институций существовавший в течение тысячелетий культ старости на наших глазах сменяется культом детства.

подростка^{**}. Общество, не желающее утратить динамизма, должно предоставлять всем входящим в него лицам, в том числе и *потенциальным субъектам*, самим определять свой жизненный проект.

Идеи наследуемой культуры и «традиционного вероисповедания» в этом контексте оказываются «тупиковыми». Толерантность должна проявляться в том числе и на уровне генеративного опыта.

Здесь полезно обратиться к концепции толерантности политолога-хабермасианки Сейлы Бенхабиб [1], согласно которой современные люди сами имеют право выбирать, поддерживать ли свои культурные традиции. По Бенхабиб, толерантность должна отвечать не только условию *эгалитарной взаимности*, заключающейся в том, что представители меньшинств не должны ущемляться в гражданских, политических, экономических и культурных правах, но и условиям *добровольного самопричисления и свободы выхода из ассоциации*. Суть условия добровольного самопричисления заключается в том, что человек не должен автоматически причисляться к какой-либо культурной, религиозной или языковой группе лишь по факту своего рождения. Свобода выхода из ассоциации предполагает право человека выйти из группы, к которой он приписан. Государство же имеет право вмешиваться и регулировать издержки неправильного и необоснованного выхода в соответствии с принципами равенства граждан.

^{**} Новое отношение к детям – пример новых транскультурных ценностей, возникновение которых напрямую не связано с западным проектом модерна. За пределами Запада давно распространились христианство и капитализм, естественные науки и светское право, гражданско-городская форма жизни, демократия и права человека, секуляризация государства и обществ. Сам Запад – Западная Европа, США, Канада, Австралия – разделяют ценности индивидуализма, рационализма и активизма, что отличает его, к примеру, от Латинской Америки, Северной или Восточной Европы [4]. В данный момент мы присутствуем при формировании новой ценностной системы, которая вырабатывается «сквозь» культуры. Кроме значимости потенциального субъекта, можно предварительно эксплицировать такие характерные для нее ценности, как мобильность, образованность, самореализация (в том числе и профессиональная), справедливость.

Таким образом, транскультурная ситуация современного мира требует адекватного осмысления, которое опиралось бы на аналитические практики трансдисциплинарных исследований различного рода. Обращение к ним дает возможность констатировать, что современные культура и социум предстают феноменами парадоксальными, динамичными и ориентированными на будущее. Их сложность и диверсификация по-новому ставят проблему толерантности в политическом, социальном и индивидуальном плане [7]. *Политическая* толерантность предполагает для светского государства выполнение роли арбитра между различными религиозными общинами и светскими группами, *социальная* – ориентацию для общества не на эмоциональное единство, а на ценности справедливости и взаимного уважения, *персональная* – отказ от навязывания эссенциализма и примордиальной идентичности и обращение к принципам добровольного самопричисления и свободы выхода из ассоциации. При этом значимыми становятся генеративный аспект культуры и межпоколенная толерантность.

1. Бенхабиб, С. Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. – М.: Логос, 2003. – 350 с. – С. XXXI–LII.

2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Academia-Центр : Медиум, 1995. – 323 с.

3. Гирц, К. Интерпретация культуры / К. Гирц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.

4. Деррида, Ж. Наше обновление после войны: второе рождение Европы / Ж. Деррида, Ю. Хабермас // Отечественные записки. – № 6 (14). – 2003. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/nashe-obnovlenie-posle-voyny-vtoroe-rozhdenie-evropy2>.

5. Трубина, Е. Г. Повествование и наука: от вражды к толерантности / Е. Г. Трубина // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – М. : Олма-Пресс, 2005. – 542 с.

6. Хабермас, Ю. Вовлечение Другого: Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 417 с.

7. Хёффе, О. Политическая этика в эпоху глобализации: толерантность / О. Хёффе // Евразийский юридический журнал. – № 11 (30). – 2010. – URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_jcontentplus&view=article&id=1493:2010-12-09-06-18-52&catid=182:2010-12-09-06-12-11&Itemid=196.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУДУ